

Наумова Екатерина Игоревна

КОНЦЕПЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

В статье получает развитие концепция капиталистической рациональности, нашедшая свое обоснование в неомарксизме и теории Х. Арендт. Разработанная Д. Лукачем и основанная на законе стоимости К. Маркса, концепция капиталистической рациональности получает осмысление в контексте анализа культуры в критической теории и в моральной философии Х. Арендт. Содержащая в основании принцип рационально-калькулятивного разделения труда, капиталистическая рациональность скрывает в себе иррациональный момент насильственной природы организации капиталистического производства, который изменяет антропологический статус индивида и способы организации культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/32.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 5 (55): в 2-х ч. Ч. II. С. 128-131. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 1

Философские науки

В статье получает развитие концепция капиталистической рациональности, нашедшая свое обоснование в неомарксизме и теории Х. Арендт. Разработанная Д. Лукачем и основанная на законе стоимости К. Маркса, концепция капиталистической рациональности получает осмысление в контексте анализа культуры в критической теории и в моральной философии Х. Арендт. Содержащая в основании принцип рационально-калькулятивного разделения труда, капиталистическая рациональность скрывает в себе иррациональный момент насильственной природы организации капиталистического производства, который изменяет антропологический статус индивида и способы организации культуры.

Ключевые слова и фразы: капиталистическая рациональность; капитализм; культуриндустрия; потребитель; рабочая сила; калькуляция; Д. Лукач; М. Хоркхаймер; Х. Арендт.

Наумова Екатерина Игоревна, к. филос. н.

Санкт-Петербургский государственный университет

naumova11@inbox.ru

КОНЦЕПЦИЯ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ®

Концепция капиталистической рациональности, нашедшая разработку и обоснование в данной статье, берет свое начало в неомарксистской философии, которая представляет собой критическую (в противовес ортодоксальной) трактовку идей К. Маркса и Ф. Энгельса. На наш взгляд, одной из первых разработок концепта капиталистической рациональности является теория Лукача, которая нашла свое продолжение и развитие в культурфилософском подходе франкфуртской школы в период формирования критической теории. Формулировка концепции капиталистической рациональности связана с зарождением и развитием индустриального капитализма, поэтому является одной из возможных трактовок сущности нововременного типа рациональности.

Полагается, что теория Лукача может быть рассмотрена как базовая для возникновения концепции капиталистической рациональности в философии XX века. Лукач формулирует данную концепцию, исходя из закона стоимости, разработанного Марксом, и идей М. Вебера. Основной тезис Лукача состоит в том, что в результате развития капиталистического производства происходит рационально-калькулятивное разложение трудового процесса. Рационализация труда состоит в том, что при капиталистическом способе производства трудовой процесс во все большей мере разлагается на абстрактно рациональные частичные операции, в результате чего утрачивается связь рабочего с продуктом как единым целым и его труд сводится к механически повторяющейся специальной функции. Важным моментом в данных рассуждениях является то, что единый продукт утрачивается как предмет трудового процесса. Предполагается, что рациональность призвана покончить с возможностью создания целостных продуктов, и подобная тенденция наиболее ярко выражается в процессе специализации. Одновременно расчет общественно необходимого рабочего времени в качестве стандарта оценки труда на производстве является основой рациональной калькуляции, которая сводит человеческую деятельность к исчислимой универсальной единице. По замечанию Лукача, «для нас особенно важным является тот принцип, который становится <...> значимым: принцип рационализации, ориентированной на калькуляцию, на калькулируемость» [7, с. 184]. Результатом является тот факт, что процесс производства начинает разворачиваться независимо от сознания рабочего, так он становится заложником автономной системы самопроизводства капитала. Рабочий претерпевает свое превращение в товар через сведение его к усредненному количеству единиц рабочего времени. Таким образом, по замечанию Лукача, в капиталистической системе организации труда время становится пространством. Исходя из чего, можно вывести тезис, что через формирование в капиталистическом производстве пространственно-временного гомогенного континуума, заполненного количественно измеряемыми вещами, и возникает возможность говорить о формировании капиталистической рациональности, основанной на калькулятивно-рациональном разложении труда. Так капиталистический тип рациональности закладывает основы овеществления труда и, что еще более важно, овеществления сознания рабочего и общества в целом. Капитализм характеризуется тем, что рационально-овеществленные отношения заступают на место естественно сложившихся человеческих отношений, что приводит к атомизации индивидов. И наиболее важным результатом рационализации труда является то, что калькулятивно-рациональные законы капиталистического производства начинают восприниматься как естественные, природные законы. И сам человек утрачивает свою человеческую сущность, так как рабочая сила оказывается его единственной собственностью, а именно товаром, который он «свободен» продать кому угодно. Рабочая сила становится буквально антропологической характеристикой индивида. Капиталистическая рациональность и объективные законы производства, которые она создает, скрывает от сознания человека вещественный характер общественных отношений. Важно отметить, что капиталистическая рациональность содержит в себе иррациональный момент, а именно насилие как основу развития капитализма. Насилие выражается в том, что капиталист стремится удлинить рабочий день и, по сути, сделать из одного рабочего дня – два. В данном случае насилие, которое скрывается

за «завесой» рациональной формы организации труда, является «конкретным образом иррациональной границы» [Там же, с. 262] капиталистической рациональности. В этом смысле сама иррациональная насильственная суть капиталистической системы отношений остается недоступной для рациональности.

Так мы наблюдаем, что с развитием капитализма происходит распространение закона стоимости на процесс организации общественной жизни человека. Калькулятивно-рациональная система изменяет антропологический статус человека, его бытовую жизнь, этические каноны; в культуре этот процесс проявляется через ситуацию массового производства дискурсивных симулякров, формирующих общество потребления. Одним из таких симулякров является культурный продукт, который в своем функционировании воспроизводит капиталистическую систему в силу утраты своей целостности. Реализация капиталистической рациональности в культуре состоит в том, что культурный продукт в качестве товара – это лишенное внутренней связности и завершенности собрание частей, которое не несет ценности в себе, а лишь имеет смысл для абстрактного расчета капиталиста, «он рационален лишь как товар» [8, с. 156]. Важным моментом является и то, что капитализация культуры ведет к тому, что и сам человек наделяется еще одной важной антропологической характеристикой – он становится потребителем. Технические формы контроля вписывают человека в социальный, культурный и производственный процессы, формируя из него потребителя. Потребитель в индустриальном обществе – это тот, кто удовлетворяет вмененные ему потребности [9, с. 6], по сути тот, кто утрачивает связь с субъективным измерением истины желания. Более того, потребитель всегда уже поставлен в ситуацию избытка выбора, так называемой «тирании свободы», что выражается в таком феномене как «бурдантзм», то есть неспособности принять решение [11, с. 88]. В потребительской культуре работает механизм мимесиса [9, с. 14]. Сущность мимесиса состоит в том, что происходит поглощение субъекта формой отчужденного бытия, в данном случае капиталистического бытия. Мимесис как форма социальной интеграции в капиталистическом обществе производит общественные формы контроля. В этом отношении вполне правомерно сказать, что формирующееся через операцию мимесиса сознание как идентификация с капиталистическим обществом в качестве целого может быть определено как воплощение капиталистической рациональности. Важно отметить, что речь идет не просто о технической рациональности, как об этом пишет Маркузе, а именно о капиталистической, в силу того, что помимо развития техники капитализм воплощает закон стоимости как основу калькулятивного образа мысли.

В индустриальном обществе именно культура оказывается той силой, которая интегрирует человека в капитализм. Джереми Рифкин отмечает, что подобный процесс можно назвать «гиперкапитализм» или «культурный капитализм», когда жизнь человека становится коммерческим рынком [13]. Культура потребления рождает ложное сознание людей как выражение операционального способа мышления взамен понятийному. Индустриальная культура формирует одномерного человека, одномерное мышление [9, с. 16], которое можно назвать капиталистическим. Можно сказать, используя основные понятия Маркузе, что капиталистическая рациональность формируется через разрыв связи между Логосом и Эросом. Вместо Эроса в современной культуре господствует сексуальность, более того, сексуальность, интегрированная в трудовой процесс. Капиталистическое производство сексуализируется, экономика становится либидинальной экономикой, которая начинает подчиняться законам рынка. Появляется феномен «бессознательного технологического автоматизма труда», когда сам труд становится объектом и субъектом производства, а не пролетарий [Там же, с. 48]. Операциональный характер мышления, который репрезентирует капиталистическую рациональность, ведет буквально к сворачиванию мышления или его одномерности [Там же, с. 16]. Одномерность мышления индустриального человека находит свое воплощение в языке, который утрачивает свое историческое измерение, историческую память и оказывается реализацией функции контроля. Язык в системе капитализма политизируется и служит пропагандистским целям, он уже больше не связка означаемого с означающим, а скорее образ. Коммерциализированные образы символизируют единство политики, бизнеса и развлечений в капиталистическом мире. Что еще более важно, капиталистическая рациональность, репрезентированная в политике и искусстве, несет в себе терапевтический эффект. Культура потребления, развлечений, прогресса выполняет терапевтическую роль в отношении населения, которая помогает им адаптироваться и наиболее эффективно встроиться в капиталистический процесс, начать получать удовольствие от включенности в производственный процесс во всех его проявлениях. Таким образом, производится «технологическое сообщество управляемого населения» [Там же, с. 35]. Мы можем наблюдать всеохватывающий процесс языкового контроля, когда сами языковые формы ограничивают рефлекссию. Такой язык обретает магически-ритуальный характер, где преобладает функция приказа, которому нужно подчиниться, что находит свое выражение в рекламных слоганах. Так, культуриндустрия держится на воспроизводстве логики принудительного мимесиса, языка прямого насилия и предпринимательской демократии. Слияние культуры и развлечения приводит не только к деградации культуры, но и к одухотворению развлечения. На смену борьбы принципа удовольствия и принципа реальности, согласно фрейдистской терминологии, приходит господство принципа развлечения. Идеология культуриндустрии может быть выражена в качестве слогана: «Никому не позволено страдать от голода и холода; а тот, кто будет в этом уличен, пусть отправляется в концентрационный лагерь <...>». Существование в условиях позднего капитализма есть не что иное, как непрерывно длящийся обряд инициации» [1, с. 187]. Как отмечает Хоркхаймер, «современное общество провозгласило новых богов: эффективность, производительность, разумное планирование» [12, с. 174].

Так капиталистическая рациональность характеризуется тем, что происходит отделение языковой формы от понятийного анализа. Докапиталистический тип рациональности оперировал транзитивными понятиями, которые имеют отнесенность к исторической целостности, а не только описывают частные факты. Они обладают трансцендентными свойствами по отношению к операциональному контексту, что позволяет им познавать

действительность. Понятия капиталистической рациональности не отягощены рефлексивным избытком в силу того, что они имеют дело с конкретностью, изолированной от условий ее конституирования, потому анализ, который ими оперирует, производит знания о ложной конкретности [9, с. 139-140]. Так, М. Хоркхаймер отмечает, что с развитием капиталистических отношений мышление становится инструментальным и разумное поведение воплощается в приспособлении к действительности: «понятие разума приняло примиренческий оттенок» [12, с. 19].

Так, главным итогом развития просвещенческого типа разума, который нашел свое выражение в капиталистическом типе рациональности, является формирование неспособности человека мыслить и выносить суждения самостоятельно. Если, согласно Канту [6], Просвещение связано с совершеннолетием человека как способностью пользоваться своим разумом самостоятельно, то, вслед за Х. Арендт, мы можем вынести суждение о том, что результатом развития Просвещения оказалось воплощение капиталистической рациональности в фашистском типе морали, которая на уровне массового сознания выражается в неспособности самостоятельно выносить суждение о мире.

Нам представляется важным указать на истоки зарождения капитализма и его связи с рациональностью в теории Арендт. Она говорит о том, что капитализм возник из ситуации отнятия или кражи собственности. Арендт преобразует тезис Прудона о том, что собственность есть кража [10], утверждая, что «не собственность стала кражей, а капитал в современном обществе возник из кражи собственности» [5, с. 87]. Владение из частного пространства переходит в сферу публичного – и в этом, как мы полагаем, состоит основная трансформирующая миропорядок функция капитализма. Как отмечает Арендт, вещь, помещенная в общественное пространство, утрачивает свою частную потребительную стоимость, которая неотделима от места, и обретает социальную ценность, выраженную в возможности обмена вещи. В результате развития капитализма недвижимая собственность переходит в разряд движимого владения, общественная ценность которого редуцируется к денежному знаменателю. Из данного положения Арендт, можно вывести тезис о том, что в Новое время совершился переход от самой вещи как ценности к ценности числового эквивалента, вещи в качестве продукта, и данную трансформацию можно охарактеризовать как свидетельство формирования калькулятивного или капиталистического типа рациональности. Зародившийся в Новое время капитализм Арендт связывает с формированием буржуазного класса, а последующее развитие индустриального капитализма с формированием бесклассового общества и производством так называемого «массового человека». Развитие капиталистической системы общества, технологий и научного прогресса способствовало усилению самовозрастания капитала, что привело к формированию империалистических тенденций, ориентированных на военный захват новых территорий. Империализм, как отмечает Арендт, развивался против возможности формирования национальных государств с четкими территориальными границами, так как воспроизводил в себе усиливающуюся тенденцию общемировой экспансии капитала. В понимании Арендт, основной тенденцией развития европейских империй к концу XIX века становится формирование тоталитарных движений, поставивших себе на службу террор и пропаганду, в основе своей содержащих расистские идеи, взамен идеи нации или класса [2, с. 407-597]. Арендт констатирует, что при гитлеровском режиме мы столкнулись с коллапсом морали добропорядочного общества, которое в определенный момент утратило способность мыслить и пользоваться своим умом. Корни этого коллапса, как мы полагаем, лежат в развитии капиталистического типа рациональности, который радикальным образом преобразует мышление человека. Мышление напрямую начинает связываться с познанием, с чувственными вещами, с необходимостью формирования целостной системы мира, где истина служит прагматическим целям и утрачивает свое измерение трансценденции. Капиталистическая рациональность скрывает от человека его изначальную раздвоенность, которую постулирует Арендт как исток мышления [4, с. 251], она формирует миф о целостном «я», тем самым отрезая возможность способности суждения состояться. Диалоговая структура мышления как опыт переживания нетождественного в тождественный, как способность остаться наедине с собой, поставив под вопрос наличествующие условия существования [3, с. 68], – это есть настоящая опасность для капиталистической системы рациональности, где мыслить и выносить личные суждения о мире оказывается излишним.

Список литературы

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. М. Кузнецова. М. – СПб.: Медиум; Ювента, 1997. 312 с.
2. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996. 672 с.
3. Арендт Х. Личная ответственность при диктатуре // Арендт Х. Ответственность и суждение: сборник. М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
4. Арендт Х. Мышление и соображения морали // Арендт Х. Ответственность и суждение: сборник. М.: Изд. Института Гайдара, 2013.
5. Арендт Х. Vita Activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.
6. Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собрание сочинений: в 8-ми т. М.: Чоро, 1996. Т. 8.
7. Лукач Д. Овеществление и сознание пролетариата // Лукач Д. История и классовое сознание. Исследования по марксистской диалектике: сборник. М.: Logosaltera, 2003.
8. Лукач Д. Старая и Новая культура // Лукач Д. Политические тексты: сборник. М.: Три Квадрата, 2010.
9. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Relf-book, 1994. 341 с.
10. Прудон П. Ж. Что такое собственность? М.: Республика, 1998. 366 с.
11. Салец Р. О страхе. М.: РАНХиГС, 2014. 192 с.
12. Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М.: Канон, 2011. 222 с.
13. Rifkin J. The Age of Access. N. Y.: J. P. Tarcher, 2001. 313 p.

CONCEPT OF CAPITALISTIC RATIONALITY IN PHILOSOPHY OF CULTURE

Naumova Ekaterina Igorevna, Ph. D. in Philosophy
Saint-Petersburg State University
naumova11@inbox.ru

In the article the concept of capitalistic rationality is evolved, which was grounded in Neo-Marxism and the theory by H. Arendt. Developed by G. Lukacs and based on the law of value by K. Marx, the concept of capitalistic rationality is understood in the context of culture analysis in critical theory and moral philosophy of H. Arendt. Containing the principle of rational-calculative division of labor in its base, capitalistic rationality conceals in itself the irrational moment of the forcible character of the organization of capitalistic production that changes the anthropological status of the individual and the ways of culture organization.

Key words and phrases: capitalistic rationality; capitalism; cultural industry; consumer; labor force; calculation; G. Lukacs; M. Horkheimer; H. Arendt.

УДК 37.013.8

Педагогические науки

В статье рассматривается проблема воспитания, обучения, развития и коррекции учащихся (в том числе и с ограниченными возможностями здоровья) средствами коррекционно-развивающих артпедагогических технологий. Более подробно авторы остановились на танцетворчестве и изотворчестве как технологиях, доступных для использования в воспитательной практике во внеучебное время и направленных на эффективное взаимодействие учащихся друг с другом, коррекцию их личности и стимулирование у них творческих процессов.

Ключевые слова и фразы: артпедагогика; артпедагогические технологии; изотворчество; танцетворчество; дети с ограниченными возможностями здоровья.

Неретина Татьяна Геннадьевна, к. пед. н., доцент

Клевесенкова Светлана Викторовна

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
neretinat@mail.ru

**ВОЗМОЖНОСТИ АРТПЕДАГОГИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ
ВНЕУЧЕБНОГО ВРЕМЕНИ УЧАЩИХСЯ[©]**

В настоящее время как в учебном, так и во внеучебном процессе все более широко используются коррекционно-развивающие артпедагогические технологии, основанные на использовании искусства как символической деятельности и на стимулировании творческих процессов учащихся в учебно-воспитательной практике.

В основе артпедагогики лежит арттерапевтический метод психокоррекционного воздействия, который представляет собой совокупность коррекционных методик, имеющих различия и особенности и определяющиеся как жанровой принадлежностью к определенному виду искусства, так и направленностью. Сущность артпедагогики состоит в воспитании, обучении, развитии и коррекции детей (в том числе и детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ)) средствами искусства, в формировании у них основ художественной культуры и овладении практическими умениями в разных видах художественной деятельности [2, с. 53].

По мнению ряда исследователей, участвуя в заданиях с использованием артпедагогических техник – изобразительной деятельности, литературном и музыкальном творчестве, драматизации, – человек получает практически неограниченные возможности для самовыражения и самопознания. В творческой продукции ребенка воплощены его чувства, ценности, идеалы, мотивы. По мнению Д. Г. Коврижкиной, для ребенка важно испытывать эмоции радости в процессе своей деятельности [1]. Интерес к результатам творчества ребенка со стороны окружающих, принятие ими продуктов творчества (рисунки, спектакли, сказки, поделки и др.) повышают самооценку ребенка, степень его самопринятия и самооценности. И. Ю. Суббота, В. А. Иванова и другие исследователи отмечают, что в результате использования артпедагогической технологии у детей удовлетворяется интерес к разрушительным действиям, выплёскиваются отрицательные эмоции, высвобождается психологическая энергия, которая обычно тратится на неэффективное напряжение и т.п. [5]. Дети становятся спокойнее и расслабленнее. Демонстративность, негативизм, агрессия уступают место инициативности и творчеству [3].

Применение артпедагогических технологий рекомендуется в случаях тяжелых эмоциональных нарушений, несформированности у ребенка коммуникативной компетентности, а также при низком уровне развития игровой деятельности и отсутствии у ребенка игровых мотивов и интереса к игре. Артпедагогика предоставляет ребенку широкие возможности для эмоционального реагирования социально приемлемым способом [5].

К современным артпедагогическим технологиям относят: игротерапию, куклотерапию, клоунотерапию, имаготерапию, изотворчество, сказкотерапию, оригами, маскотерапию, драмотерапию, музыкотерапию,